

Возвращение

В прибрежном селении Даннет-Лэндинг было нечто такое, что делало его привлекательней иных приморских поселков восточного Мэна. Возможно, именно прежнее мое знакомство с этим местом делало его настолько притягательным и придавало такое очарование скалистому берегу, темным лесам и редким домикам, которые были плотно втиснуты

Сара Орн Джуитт

промеж каменных гряд и словно к ним приколочены. Из этих домов открывался превосходный вид на море, а садики при них отличались нарядностью и вызывающим изобилием цветов; окна с частыми переплетами под самыми остриями крутых фронтонов походили на пронизательные глаза, которые либо были обращены на гавань и морской горизонт, либо же глядели на северную часть берега с виднеющимися вдали елями и бальзамическими пихтами. По-настоящему узнать такое селение и его окрестности — все равно что близко знакомиться с человеком. Влюбленность в таком случае быстра и бесповоротна, однако подлинная дружба может складываться всю жизнь.

После первого краткого визита, нанесенного два или три лета назад во время морского путешествия на яхте, ваша покорная слуга, успевшая полюбить Даннет-Лэндинг, возвратилась сюда и нашла все те же неизменные берега с островерхими елями, то же самобытное селение с его затейливыми традициями, то же сочетание захолустности и наивной убежденности в том, что Даннет и есть центр цивилизации, — сочетание, о котором твердили ей нежные воспоминания. Одним июньским вечером эта одинокая пассажирка ступила на паромную пристань. Был прилив, собралась немаленькая толпа зевак, и самые юные из них, одолеваемые сдержанным любопытством, последовали за ней по узкой улочке, пропитавшейся морской солью, мимо домов, обшитых белыми досками.

II

Миссис Тодд

Впоследствии в моем выборе жилья на лето был обнаружен лишь один недостаток, а именно: полнейшее отсутствие уединения. Поначалу крошечный домик миссис Альмиры Тодд, обращенный к улице тыльной стороной, казался мне укромным уголком; его защищал от мирской суеты пышный зеленый сад, где все цветущие

растения — две-три нарядные мальвы да несколько кустиков камнеломки — вплотную жались к покрытой серой дранкой стене. Сад этот был своеобразный, и у человека постороннего он мог бы вызывать изумление: малочисленные цветы совершенно терялись посреди обилия зелени; однако вскоре выяснилось, что миссис Тодд — страстная любительница трав, как диких, так и культурных, и морской ветерок, задувавший в дальнее окно дома, приносил с собой запахи не только красно-бурого шиповника и Melissa, но и бальзамника и шалфея, огуречной травы и мяты, полыни и укропного дерева. Если миссис Тодд случалось зайти в дальний угол сада, под ее тяжелой поступью мялись веточки тимьяна, добавляя свой аромат к остальным. Телосложения она была весьма крупного, и ее пышные юбки задевали и ломали те тонкие стебельки, которые миновала участь быть растоптанными. Вот как я обычно догадывалась, что она в саду, даже если дело было утром и я еще не вполне проснулась, а уже через несколько недель я научилась в точности определять, в каком именно уголке она бродит.

С краю этого аптекарского огорода росли другие экземпляры трав, что значатся в сельской фармакопее, — редкие сокровища и диковинки среди видов куда более заурядных. Странные острые запахи пробуждали смутные воспоминания и намекали на что-то из забытого прошлого. Часть этих трав, возможно, прежде применялась в священных

Край островерхих елей

и мистических обрядах и была связана с некими оккультными знаниями, передававшимися из поколения в поколение, но теперь они использовались всего лишь в простых снадобьях, то и дело варившихся в маленьком котелке — с добавлением патоки, уксуса или спирта — на кухонной плите миссис Тодд. Снадобья эти раздавали страждущим соседям, которые обычно приходили поздними вечерами, словно бы тайно, и приносили пустые флакончики старинного вида. Одно средство называлось «индейской микстурой»¹, и цена его составляла всего пятнадцать центов; когда покупатели шли мимо моих окон, слышно было, как миссис Тодд шепотом дает им наставления. Чаще всего приобретателю снадобья позволялось уйти, не выслушивая никаких советов, поскольку миссис Тодд мудро предпочитала не тратить усилий зря; но способы применения некоторых средств требовали, чтобы гостя проводили до дверей, а иные флаконы моя хозяйка и вовсе сопровождала на их целебном пути до самой калитки, вполголоса давая пространные указания и до последнего сохраняя таинственный и важный вид. Возможно, она боролась не только с обычными

¹ Воронец кистевидный и стеблелист василистниковидный применялись при лечении гинекологических заболеваний, а также могли спровоцировать выкидыш при нежелательной беременности, чем, вероятно, и объясняется тот факт, что миссис Тодд переходила на шепот. — *Здесь и далее прим. перев.*

недугами; иногда мне казалось, что настоями диковинных растений из сада миссис Тодд могут быть побеждены несчастная любовь, ненависть, ревность и даже встречные морские ветры.

Сельский доктор был с этой ученой травницей в наилучших отношениях. Он, может статься, рассчитывал, что ему будет весьма выгодно бороться с неблагоприятным эффектом некоторых ее снадобий; во всяком случае, время от времени он оставался и обменивался с миссис Тодд приветствиями через забор. После кратких вступительных фраз разговор их сразу же сворачивал в профессиональное русло, и доктор, вертя в пальцах душистую веточку, отпускал шуточки по поводу убежденности моей хозяйки в пользе регулярного приема настоя посконника¹, в действенность которого она верила столь твердо, что иногда это ставило под угрозу жизнь и здоровье ее почтенных соседей.

Приехать в это тишайшее приморское селение в конце июня, когда только начинался оживленный сезон сбора трав, означало прибыть в самый разгар варки старинного хвойного пива. В результате длительных экспериментов миссис Тодд довела этот охлаждающий и освежающий напиток до удивительного совершенства; он завоевал огромную сла-

¹ Из посконника заваривали горький чай, который пили в качестве потогонного средства при лихорадке, а также для лечения запоров и гриппа.

Край островерхих елей

ву среди местных жителей, и запасы ингредиентов постоянно заканчивались, так что их приходилось пополнять. Итак, по самым разным причинам насладиться уединением и спокойствием, как я рассчитывала, мне удавалось крайне редко, каким бы прелестным ни был этот уголок.

Мы с моей хозяйкой заключили практичное деловое соглашение, подразумевавшее простой холодный обед в полдень и щедрую компенсацию за него в виде горячего ужина, так что ранним вечером соседи иногда могли видеть, как я торопливо спускаюсь к берегу с лесой для ловли губанов в руках. Вскоре выяснилось, что благодаря этой договоренности миссис Тодд обрела удобную возможность не спеша собирать травы в лесах и на лугах. Из-за жаркой погоды поток любителей хвойного пива не иссякал, и к тому же многие просили различные успокаивающие сиропы и эликсиры, с которыми я познакомилась в силу опрометчивого любопытства, проявленного во время моего предыдущего визита. Зная, что миссис Тодд — вдова и весь доход ее составляют скудные заработки травничеством да плата от голодной квартирантки, я проявила интерес к ее делам и начала принимать в них самое горячее участие, пока не повелось так, что каждый погожий день миссис Тодд уходила за травами, а я оставалась отвечать на решительный стук в боковую дверь.

Время от времени совершая весьма познавательные прогулки в обществе миссис Тодд и выступая

в роли делового союзника во время ее частых отлучек, я обнаружила, что июльские дни пролетают быстро, и только однажды вечером, не без гордости и удовольствия подсчитав свою выручку — два доллара двадцать семь центов, — вспомнила о длинном тексте, который должна была закончить к сроку, давно уже прошедшему. Когда вас ласково похлопывают по плечу и называют «дорогушей», когда вас потчуют неожиданно ранними грибами и хвалят за то, что вы заработали два доллара и двадцать семь центов за один-единственный день, требуется большая решимость, чтобы позабыть о своих успехах и от всего этого отказаться. Литературные занятия всегда сопряжены с неопределенностью, и только когда голос совести зазвучал в моих ушах громче шума моря, набегающего на камни ближайшего пляжа, я сообщила миссис Тодд нерадостную весть. Опасения мои оправдались: на лице ее, ставшем будто даже ласковее, отразились сожаление и разочарование, когда я откровенно призналась, что больше не могу иметь удовольствие «принимать людей», как мы это называли. Я чувствовала, что поступаю жестоко по отношению к местным жителям, ограничивая свободу миссис Тодд в самую пору сбора диких трав, поскольку травам этим предстояло в дальнейшем облегчать их зимние недуги.

— Что ж, милочка, — печально сказала она, — вы мне очень подсобили. Давненько у меня не было такого прибыльного лета, так ведь и помощ-

Край островерхих елей

ницы, которой можно доверять, у меня прежде не было. Пускай вам недостает кой-каких навыков, но со временем вы набрались бы опыта и добились больших успехов. Говорю как на духу.

Перемена в наших деловых отношениях не поссорила нас с миссис Тодд и не отдалила меня от нее; напротив, казалось, что между нами установилась более глубокая близость. Не знаю, что за трава источала сильный аромат по вечерам, когда выпадала роса, луна поднималась высоко, а с моря веяло прохладой, но в эти часы миссис Тодд чувствовала, что ей нужно с кем-нибудь поговорить, и я была только рада выслушать ее. Мы обе поддавались очарованию таких вечеров, и она либо останавливалась под окном, либо заглядывала ко мне в гостиную и рассказывала незамысловатые новости минувшего дня, а однажды, когда с моря пришел туман, поведала мне сокровенные тайны своего сердца. Именно так я узнала, что она любила человека, который был намного выше ее по положению.

— Нет, милочка, невозможно, чтоб тот, о ком я говорю, вспоминал обо мне, — сказала она. — Когда мы были молоды, мать его не одобрила наш союз и сделала все, чтобы разлучить нас; люди думали, что оба мы нашли себе супругов по сердцу, но совсем не того мы с ним хотели; а нынче и я одна, и он один, а ведь могли бы все это время быть вместе. Доля простого моряка была не для него, он преуспевал больше иных и не из простой был

Сара Орн Джуитт

семьи, а моя судьба была жить небогато и усердно трудиться. Я не видала его уже много лет; наверняка он все позабыл, но женское сердце, оно иначе устроено; чувства возвращаются, как ни думай, что с ними покончено, и это так же верно, как и то, что каждый год приходит весна. До сих пор, коли захочу, я получаю вести о нем.

Она стояла в самом центре плетеного коврика, и в тусклом свете казалось, что вокруг ее ног вьются черные и серые кольца. Высокая и крупная, в этой комнате с низким потолком она представляла передо мной огромной сивиллой, а из маленького сада долетал странный аромат таинственных трав.